

САМОСТОЯНИЕ

Сказано: «Не сотвори себе кумира».

И вот — человек, который, по-моему, никогда и ни из кого кумира для себя не лепил, стараясь в любых условиях и при любых обстоятельствах оставаться самим собой.

Наверное, он всегда думал не так, как подсказывают или указывают, а как ведет собственный разум. Говорил не то, чего от него ждали, а что думает. Поступал так, как сам считал единственно правильным.

Ну, скажем менее категорично: почти всегда. Из него тоже кумира делать не надо — человек есть человек, от соблазнов и ошибок вполне никто не спасен. Но, не молясь на него, воздадим должную признательность русскому человеку Александру Зиновьеву за все, чем он эту признательность от нас, его соотечественников, заслужил.

В минувшем сентябре мне удалось опубликовать на страницах «Советской России» две беседы с Зиновьевым, приехавшим представить на книжной ярмарке новую свою работу. Беседы были большие, они заняли в газете немало места, однако многое из того, о чем мы говорили, все-таки осталось на диктофонной ленте.

А касается это неопубликованное, как я заметил, больше всего личности этого человека, логики его поведения, которая подчас кому-то кажется нелогичной. Отвечает здесь в какой-то мере Александр Александрович и тем, кто упрекает его сегодня, что «слишком мрачно изображает нынешний и завтрашний дни России», запугивая и демобилизуя борцов за ее лучшее будущее.

Я включу диктофон — послушайте.

Говорит Александр Зиновьев...

— Эти упреки я принять не могу. Они безосновательны. Смешиваются мой взгляд ученого на объективно сложившуюся ситуацию и мое отношение к этой ситуации.

Одно дело — анализ, беспристрастный анализ того, что произошло и происходит, другое — человеческое отношение к тому, что происходит.

Одно дело — выяснить, что враг мощный, враг беспощадный, враг проник повсюду и хочет истребить нас. Это один аспект. И другое дело — когда люди лично себе говорят: я этого не принимаю и не хочу, я буду сражаться. Пусть меня уничтожат, пусть со мной делают что угодно, я буду сражаться!

Я вспоминаю 39-й год. В 16 лет я стал антисталинистом, сформировавшись как идеалистический коммунист, романтический коммунист. И я, конечно, понимал, что передо мной огромная сила, с которой справиться мне невозможно. Но я себе сказал тогда: да хоть весь мир будет против меня, я буду сражаться против всего мира! И стал задумывать свою террористическую группу против Сталина.

Есть реакция отчаяния. Вот и сейчас как исследователь я вижу эту стену, вижу эту опасность. А как человек — я на нее реагирую.

Реагирую очень просто: я бунтую против этой стены, против этой угрозы и этой опасности! Чего бы это мне ни стоило — для моего возраста и моего положения.

По-моему, этот бунт должен быть заметен. Я пожертвовал практически всем. Пожертвовал благополучием. И оказался фактически в той же ситуации изолированности, в какой был мальчишкой в 39-м году. Но — я бунтую!

Да, все дело в том, как люди реагируют на ту или иную ситуацию. Поэтому я восторгаюсь боснийскими сербами. Против них обрушивается весь мир. Сколько грязи на них льют! А они все-таки сопротивляются. Они воют с этим нашествием западнистского тоталитаризма.

Я не могу предложить нашим людям какую-то программу — как действовать. Это только Бог, наверное, мог бы с абсолютной точностью предложить. Но остается реакция отчаяния. Вот во многих странах арабского мира она толкает людей на терроризм. И хотя это осуждают, хотя многие говорят, что это все равно ничего не изменит, — неважно! Люди не могут просто по-другому жить!

Скажу опять о себе. Мне многие говорили: ты — дурак, ты не используешь в жизни своих возможностей. Может, они по-своему правы. Но я-то по-другому не могу!

Говорят: что ты бьешься головой об стенку? Что от этого изменится? Да пусть ничего не изменится. Главное — я не должен изменять себе.

Если есть люди, которые не могут жить в этой ситуации, не приемлют ее, — значит реагировать надо! В той ситуации, которая сложилась, я вижу именно в этом единственный выход из положения, единственный путь.

На меня набросились, когда я во время первого своего приезда на родину по телевидению ответил на вопрос, что я бы стал делать, если бы был молодым: «Стал бы создавать отряды мстителей».

По нашей земле ходят тысячи и тысячи предателей. Война! Понимаете, идет война. Новая форма войны — на уничтожение нашего народа. Гораздо более страшная, чем Вторая мировая. И потери от нее уже раз в десять превосходят потери во Второй мировой. Впервые в истории русский народ направили на путь вымирания. Перспектива — быть истребленными, как истребили индейцев в Северной Америке. Это не преувеличение! И как человек, считающий себя частью своего народа, я бунтую против этого.

Да пусть идет против меня целая армия. Пусть все армии мира идут! Я все равно буду сопротивляться, насколько могу.

По-моему, Россия вступает сейчас в такой период, когда с этого и только с этого может начаться что-то серьезное. А пока, к сожалению, эти силы протеста, бунта во многом уходят в сферу криминальную — в бандитизм, грабежи, рэкет и так далее. И очень мало идут в какие-то политические акции.

Но я уверен, что Россия, в конце концов, воспрянет и поднимется. Наша страна порождала в свое время народовольцев. Без них не было бы большевиков, не было бы революции. И если вы проанализируете сейчас их идеи, вы будете потрясены. По сути в их идеях уже содержался весь или почти весь большевизм. Когда я был мальчишкой, моим героем

был не Владимир Ульянов-Ленин, а Александр Ульянов. Прочитайте его речь, обращенную к суду перед казнью. Чрезвычайно умный человек! Он говорил: я понимаю, что это все как бы бессмысленно, что мы ничего этим не изменим, но — не могу по-другому действовать! Понимаете, да?

Вот если бы мне было не 75 лет, если бы я был моложе, я бы тоже действовал. Что ж, этот путь начнут более молодые русские люди. Начнут!

Бунт, протест как таковой — начало будущего разумного пути. А сейчас почти все разумное монополизировано теми, кто имеет многократный перевес сил. У них программа четко разработана. Мы же видим, что вступили в фазу нашего уничтожения — проектируемую, направляемую. В фазу управляемой истории.

У меня лично это направление вызывает протест. Мне недолго осталось жить, но Россия, уверен, породит немало людей, которые, может быть, и без всякого анализа встанут на путь протеста. И только на этой основе будут появляться другие формы борьбы.

Вы как угодно можете расценивать мои слова. Есть реально существующая жизнь, и каждый человек по-своему встроен в эту жизнь. Но надо понять, что Россия сейчас находится в состоянии уничтожения. И проблема состоит в том, позволим мы уничтожить нас или нет.

Я особенно остро переживаю эту ситуацию, вспоминая начало войны, когда целые подразделения складывали оружие, говоря, что сопротивляться бесполезно. Люди — тысячи, сотни тысяч — сдавались в плен. Хотя знали, что всех уничтожат!

А сейчас? Я вспоминаю ситуацию расстрела Белого дома. Ведь стоило выбежать туда полумиллиону человек — они снесли бы все голыми руками. Не выбежали. Не вышли. Вот что страшно!

Я слежу за русской прессой. Немало появляется правильных, хороших статей: «Разрушается все, нас уничтожают, вымирание происходит...» Прекрасно написанные работы и все — правильно. Все понятно, все понято, все очевидно. Но где же:

«на наших глазах умирали товарищи, по-русски рубаху рванув на груди»? Где это?

Я ночи не сплю, я все время думаю об этом. Говорят: что-то позитивное дать, что-то оптимистическое. Но ничего другого я не вижу, кроме личной позиции каждого: «Я против, я этого не хочу, я — бунтую!» Вы меня убьете? Убивайте.

Каждый погибший своей гибелью наносит превосходящим силам врага удар. Это было начиная с Древней Греции — вспомните триста воинов-спартанцев. А 28 панфиловцев! Говорят, все это выдуманно. Чепуха! Я помню, я сам видел, как бывало во время войны. Трех человек из большой группы однажды оставили нас во время отступления. И достаточно было какое-то время пострелять — немцы в этом направлении не пошли, ушли куда-то в другое место.

Вот в чем все дело. В том, когда закипит в России протест, месть. Говорят, месть неконструктивна. Нет, вначале ничего конструктивнее не придумаешь. Это моя человеческая позиция — я не возвожу ее в какую-то теоретическую программу. Я просто высказываю свою человеческую, гражданскую позицию.

А как аналитик на вопрос, возможно ли изменить сложившуюся ситуацию, я отвечаю: возможно, если начнется тот самый протест.

Конечно, все это совсем не просто. Сейчас добивают сербов. Я написал по этому поводу статью «Последнее сопротивление», после которой на Западе из планов многих издательств сразу полетели мои книжки.

А в России... Всякое сопротивление начинается с единицы. Все массовые движения, которые приводили к переворотам, начинались с одного! Это я говорю как исследователь социальных объектов. Один появлялся. Или каждый появлялся в одиночку. Если один не появится, то не появятся и два.

В России сейчас все ждут: пусть нам дадут. Вот, дескать, если бы нам дали, тогда бы мы...

Но никто не придет, никто не спасет, никто не поможет!

Вспомните, как в свое время в России все начиналось. Радищев печатает «Путешествие из Петербурга в Москву». По-

том уже, через сколько лет, пошли Каракозов, Халтурин, Александр Ульянов... Но кто-то первый должен начать.

Почему сейчас так яростно добивают сербов? Пример разителен! Они встали на свою защиту.

Я тоже встал на свою защиту, и я ощущаю колоссальное давление. Я — человек, говорящий правду. Пусть в мире есть миллионы жуликов и подлецов, но, если они знают, что есть в мире человек, который знает это и говорит об этом, они уже не спят спокойно.

Безнаказанность — вот что придает силу тем, которые сейчас громят Россию. В принципе количественно они и не такие уж большие. Случись сейчас переворот — Россия в течение недели очистится от них. Они действуют, как всегда действуют бандиты. Нагло. Благодаря безнаказанности. А надо влупить по морде.

Влупить по морде — вот что необходимо! В книге моей «Иди на Голгофу» есть принцип, противоположный христианскому: «Если тебя ударили по щеке, дважды ударь!» Время такое. До тех пор, пока люди не будут отвечать по морде, ничто и никто не остановится.

Они должны жить в страхе! В страхе оттого, что есть судьбы.

Почему меня так ненавидят? По одной простой причине: я с собой несу суд.

Я несу с собой суд теоретический. К сожалению, не несу сегодня суд физический. Но все равно какой-то суд! Без этого ничего серьезного не будет.

Говорят: народ отчаялся. Потому и безмолвствует. Видимо, недостаточно отчаялся.

А о себе... Я с юности сам себе партия, сам глава государства. Я уже в юности себе сказал, что не буду делать карьеру. Я всегда в жизни отказывался от всяких должностей. Три дня во время войны я пробыл старшиной звена. Совсем немножко позже пробыл заведующим кафедрой. Да, был у меня еще случай, когда я полчаса покомандовал полком...

А вообще-то всю жизнь следовал своей установке: не делать карьеру, ради материальных благ не поступаться своими принципами. Я выдержал этот путь. Но, когда меня спраши-

вают, годится ли этот путь для других, отвечаю: нет, для многих он не годится. Не смогут они этого сделать. Трудно. Нужно быть в какой-то мере одержимым.

Я не решаю этим проблему политическую — я решаю проблему психологическую. Можно даже сказать: из всего, что я делал, ничего не получилось. Мои работы игнорируются, замалчиваются. Ну и что? Я-то живу один раз. И в конце жизни могу сказать: я не изменил тебе, Зиновьев шестнадцатилетний, когда ты давал свою клятву!

Это личностная проблема. Мир для человека — это прежде всего он сам. Тут, в голове, ваш мир. Как вы оцениваете свое поведение — вот что важно. Когда я говорю, что я государство, я и в каждом человеке вижу государство. Каждый человек есть универсум, целый космос. Какая разница с личностной точки зрения — один человек или шесть миллиардов? Разница только в организации, и все такое прочее.

Перед своим миром нести ответственность! Это — главное. Если бы мне предложили сейчас все блага мира, но не быть собой, я бы этого не принял.

А ведь попытки подкупа были постоянно! Мне говорили в Германии: вы можете получить журнал с огромным бюджетом. Мне только нужно было пару слов одобрительных сказать о «перестройке», о том, что в связи с ней произошло. Пустяк! И я имел бы журнал, кафедру, все что угодно. Им очень хотелось и хочется этого. Но ничего из этого у них не получилось.

Тогда для меня закрыли все источники существования. Ну и что? Я не променяю то, как я поступил, на возможные блага. Любые! Это, конечно, мой путь. Я никому его не навязываю и не могу навязывать. Но для меня это путь единственно приемлемый...

* * *

Пожалуй, можно считать, что это — кредо жизни Александра Зиновьева — русского человека из глухого костромского городка Чухломы, ставшего мировой знаменитостью. Со-

ветского человека и романтического коммуниста, каковым он себя считает.

Накануне вашего 75-летия, Александр Александрович, сердечно поздравляя вас, рад сообщить, как много вы имее-те сегодня внимательных читателей и горячих почитателей. Сейчас, когда откликов на газетные материалы почти не приходит, беседы с вами вызвали множество писем!

Игорь Васильевич Николаев, доктор философских наук, профессор (г. С.-Петербург): «Спасибо за ваши интереснейшие, глубокие размышления на исходе века. Спасибо за блестящую идею — Общество по изучению достижений советского периода. Я лично предложу эту идею моим студентам. Ну а кое о чем давайте поспорим...»

В. Казаков, офицер (г. Саратов): «Спасибо за согласие поделиться в «Советской России» своим видением нашего политического коллапса. У меня к вам есть целый ряд вопро-сов...».

Широков Борис Ильич, рабочий, 58 лет (г. Клин, Москов-ская область): «Благодарю за встречу на страницах газеты с Александром Зиновьевым! Я узнал о нем впервые во время психоза горбачевской перестройки, которой он сразу же бро-сил свой резкий вызов, и с тех пор по возможности стараюсь не пропускать ни одного его выступления в газетах и журна-лах. А книги «Катастрожка», «Смута» и другие — читаю и пе-речитываю. Мне хотелось бы обратиться к вам, уважаемый Александр Александрович, с некоторыми вопросами, чтобы узнать ваше мнение...»

И так — в каждом письме: вопросы, поддержка или воз-ражения, желание продолжить разговор.

Что ж, Александр Александрович прилетает на свой юби-лей в Москву. Надеюсь, будет возможность поговорить и в чем-то поспорить с ним от лица читателей, которые, конечно же, всей душой желают ему самого доброго!

«Советская Россия», 28 октября 1997 г.